

- Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827.
- Дудников А.В. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1990.
- Камынина А.А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: Осложнение простого предложения полупредикативными членами: (Пособие для слушателей ФПК). Изд-во Московск. ун-та, 1983.
- Кормилицына М.А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. Саратов, 1988.
- Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М., 1991.
- Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. М., 2002.
- Прияткина А.Ф. Осложненное простое предложение: Учебное пособие. Владивосток, 1989.
- Руднев А.Г. Синтаксис осложненного предложения. М., 1959.
- Современный русский литературный язык / Под ред. П.А.Леканта. М.: Высшая школа, 1996 (и др. изд.).
- Современный русский язык: В 3 частях. Часть III: Синтаксис / Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. М., 1981 (и др. изд.).
- Современный русский язык: Учебник / Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В.; под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981; 1999.
- Современный русский язык: Учебник / Под общ. ред. Л.А. Новикова. М., 2003.

В.И.ФУРАШОВ

Владимирский педагогический университет

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОБОСОБЛЕНИЯ В РУСИСТИКЕ

При осмыслении категории обособленных членов предложения в истории отечественной грамматической мысли отчетливо прослеживается стремление лингвистов установить соотношение обособленных членов с необособленными, а также с придаточными частями сложноподчиненного предложения.

Учение об обособлении начинается с гипотезы сокращения придаточных предложений в трудах Н.И.Греча, А.Х.Востокова, Ф.И.Буслаева и др. Предложение понимается как суждение, выраженное словами, и рассматривается в двух аспектах — логическом и грамматическом, причем при квалификации синтаксических явлений принимаются во внимание некоторые разновидности выражаемого в предложении суждения (предложения утверди-

тельные и отрицательные). Характерно, что логический и грамматический анализ предложения соотносятся друг с другом, но не отождествляются. Так, Ф.И.Буслаев при логическом анализе распространенного подлежащно-сказуемого предложения выделяет две части: логическое подлежащее и логическое сказуемое, а при грамматическом — не только подлежащее и сказуемое, но и второстепенные члены, которых логика не знает; в предложении *Мне хочется* дательный падеж местоимения, обозначающий отношение к лицу, при логическом анализе — подлежащее, а при грамматическом — дополнение; в составном именном сказуемом в логическом отношении важнее именная часть, а в грамматическом — связка, в которой сосредоточена “самая сила сказуемого” — время, наклонение, лицо [Буслаев 1959: 269, 272-273, 276-277].

Объектом критики в последующем языкознании, начиная с А.А.Потебни, становится гипотеза сокращения придаточных предложений и семантический критерий, использовавшийся Ф.И.Буслаевым при выделении второстепенных членов предложения — наряду с формально-грамматическим (так, в сочетании *дом отца* зависимый компонент по значению квалифицировался как определение, как и в сочетании *отцовский дом*, а по “синтаксическому употреблению”, т.е. по связи управления, — как дополнение).

Ф.И.Буслаев полагал, что исторически имя является производным от глагола и язык продолжает пользоваться этим средством: “стоит только произвесть имя от сказуемого, выраженного глаголом, и целое предложение сократится в отдельный член” (ср.: *кто сеет, тот ожидает жатвы* = *сеятель ожидает жатвы*) [Буслаев 1959: 281]. Поскольку имя само по себе, по мысли Ф.И.Буслаева, не может образовать предложение, постольку “язык производит над глаголом то же действие, которым он пользовался при образовании имен, т.е. производит от глагола имена, но только отглагольные, каковы суть: причастия, деепричастия и неокончателное наклонение” [Буслаев 1959: 282]. Приводятся примеры, где в сокращенном придаточном выражается суждение, но только как бы свернутое: *когда восходит солнце, небо бывает прекрасно — при восходе солнца небо бывает прекрасно; желаю, чтобы вы успели в своем предприятии — желаю вам успеть в своем предприятии; человек, который принес пользу Отечеству, достоин уважения — человек, принесший пользу Отечеству, достоин уважения; когда усердно работаешь, не замечаешь течения времени — усердно работая, не замечаешь течения времени* [Буслаев 1959: 282].

Глагол в роли сказуемого обозначает признак, приписываемый предмету (подлежащему). Сказуемое — основной член предложе-

ния, т.к. располагает категориями времени, наклонения и лица. Действие, выраженное спрягаемым глаголом в полном придаточном предложении, более наглядно, а в сокращенном налицо акт отвлечения, но степень отвлечения различна: если полное придаточное сокращается в имя существительное (*когда восходит солнце – при восходе солнца*), то действие вообще переходит в отвлеченное понятие; если в причастие или деепричастие, то наглядное представление в какой-то мере сохраняется, т.к. причастия и деепричастия обладают категорией времени [Буслаев 1959: 378-379].

При сопоставлении полных и сокращенных придаточных обнаруживаются как сходства, так и различия между ними: обе разновидности придаточных выражают суждение (сходство), а различия связаны со степенью отдаленности от спрягаемого глагола тех имен, инфинитивов, причастий и деепричастий, в которые сокращается глагол-сказуемое полного придаточного предложения. Сокращенные придаточные отличаются от полных и грамматически: в сокращенных редуцируются, видоизменяются грамматические значения вида, времени, наклонения, лица (по-разному и в неодинаковой мере у существительного, инфинитива, причастия и деепричастия), а в плане выражения сокращенные придаточные линейно редуцируются за счет устранения союзов и относительных слов.

А.А.Потебня критикует гипотезу сокращенных придаточных с позиций психологизма, выступая за союз языкознания с психологией и против логицизма [Потебня 1993: 40]; язык “тоже форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается” [Потебня 1958: 70], а “грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением” [Потебня 1958: 68]. Как видим, А.А.Потебня выступает не только против отождествления логических и грамматических категорий (суждения и предложения), но и против их соотношения. Верно было подмечено, что лингвисты психологического направления в языкознании “выплеснули из ванны вместе с водой и ребенка”, отрицая наличие корреляций между структурой мысли и грамматическим строем языка [Кривоносов 1993: 11,13]. А.А. Потебня не усматривает соответствующих корреляций также и между психологическим суждением и грамматическим предложением [Потебня 1958: 83]. Существенным признаком предложения в индоевропейских языках он считает наличие в предложении частей речи, претерпевающих с течением времени изменения, в связи с чем изменяется и само предложение, так что на разных этапах исторического развития мы можем получить разные определения предложения:

по направлению к древности увеличивается именно характер предложения и вместе с тем – конкретность языка [Потебня 1968: 276]. Гипотеза сокращения придаточных предложений основывается на убеждении Ф.И.Буслаева в первообразности глагола сравнительно с именем, а в представлении А.А.Потебни именно строй предложения предшествовал глагольному.

Части речи, по А.А.Потебне, не могут быть выведены ни из логического, ни из психологического суждения, поэтому при выяснении сущности грамматического предложения не следует исходить из раз и навсегда данных и отвлеченных схем какого бы то ни было суждения и толочься на одном месте [Потебня 1958: 71,83].

Гипотеза сокращенных придаточных предложений вызывает сомнения у А.А.Потебни по ряду соображений: во-первых, предложение было изначально не глагольным, поэтому не может быть и речи о производстве имени от сказуемого придаточного предложения, т.е. от глагольного сказуемого; во-вторых, отглагольное существительное, инфинитив, причастие и деепричастие “не возникли из придаточных предложений (коих и не было), но с самого начала суть члены простого предложения” [Потебня 1968: 276]; в-третьих, “такой ход языка в общем невозможен”, потому что придаточное “более развито, расчлененно, определено” в сравнении с соответствующими членами предложения [Потебня 1958: 110]; в-четвертых, в сокращенных придаточных нет сказуемого, так что это вовсе не предложения: “*написанное вчера* не есть предложение в том смысле, как *напишу*” [Потебня 1958: 110].

В.В.Виноградов, опираясь на широко распространенное в современной лингвистике представление, что глагольный тип предложения сформировался позднее именного, склонен был видеть в общей синтаксической концепции Ф.И.Буслаева антиисторизм: “теория сокращения предложений несостоятельна с исторической точки зрения”; в ней смешиваются “стилистические варианты выражений, генетически восходящие к разным синтаксическим конструкциям, с последовательными историческими этапами развития строя предложений” [Виноградов 1978: 82-84].

Иначе оценивал гипотезу сокращения придаточных предложений В.И.Чернышев: “Сторонники учения о сокращении придаточных предложений, наши замечательные филологи Востоков и Буслаев, не были невеждами в истории русского языка. Они не могли не знать, что современные обороты с причастиями и деепричастиями, с одной стороны, и с глаголами в полных придаточных предложениях, с другой стороны, в далеком прошлом русского языка не были так близки, как теперь. Названные филологи

и их последователи исходили из соотношений, существующих в современном русском языке. И они были совершенно правы” [Чернышев 1970: 263]. Едва ли есть смысл возражать В.И.Чернышеву в том, что в современном русском языке синтаксические построения типа *Когда усердно работаешь, не замечаешь течения времени* – *Усердно работая, не замечаешь течения времени* можно рассматривать как синтаксические синонимы, расширяющие стилистические ресурсы нашего языка, но ведь речь здесь идет все же и о разных взглядах на эволюцию строя предложения: от глагольного к именному (Буслаев) и от именного к глагольному (Потебня).

Отвергнув гипотезу сокращения придаточных предложений, А.А.Потебня обращается к изучению разного функционирования в предложении частей речи. Именно в предложении части речи реализуют свои предикативные и непредикативные возможности. Предикативные потенции частей речи выявляются в строе предложения двойко: 1) в использовании в функции сказуемого, 2) в аппозитивном употреблении. Части речи имеют разные предикативные ранги: на вершине предикативной иерархии находится спрягаемый глагол, обладающий предикативными категориями времени, наклонения и лица, остальные части речи (причастие, прилагательное, существительное) значительно уступают спрягаемому глаголу в этом отношении. Глагольное сказуемое – наиболее самостоятельный член предложения: оно одно может обойтись без всех прочих членов, обнаруживает непосредственную связь с подлежащим, если оно есть, и согласуется с ним. Личный глагол “есть тем самым сказуемое или предикативная связка, как имя в прямом падеже, не согласуемое с другим, есть подлежащее”. Спрягаемый глагол-сказуемое принимается за единицу для измерения предикативности [Потебня 1958: 91,110,124].

Именные части речи (причастие, прилагательное, существительное) обнаруживают способность входить в состав сказуемого, но только через посредника – предикативную связку; они согласуются с подлежащим (существительным) в числе и падеже, а причастие и прилагательное – еще и в роде. Именные части речи входят в сказуемое на правах предикативного атрибута. Ближе всего к спрягаемому глаголу стоит причастие: оно обладает категорией времени и занимает промежуточное положение между собственно именем и спрягаемым глаголом; далее следует прилагательное, согласуемое с подлежащим-существительным в роде, числе и падеже и имеющее краткие (предикативные) формы; предикативный ранг имени существительного значительно ниже: оно согласуется с подлежащим в падеже, далеко не всегда –

в числе, может совпадать или не совпадать с подлежащим-существительным в роде.

Согласованию в концепции А.А.Потебни придается особая значимость, в связи с чем косвенные падежи имени существительного даже в предложениях типа *Он был солдатом, Петр Великий был высокого роста* квалифицируются не как предикативные атрибуты, а как дополнения, равно как и зависимый косвенный падеж в субстантивных сочетаниях: в сочетании *дом отца* существительное в род. п. — дополнение. Семантику, выявляемую вопросом *чей?* и т.п., А.А.Потебня считал “неязычной” [Потебня 1958: 74,112]. Понятно, что в таком случае наречие, компаратив, деепричастие и инфинитив вообще не могут иметь предикативных рангов, т.е. быть предикативным атрибутом. Правда, относительно инфинитива А.А.Потебня делает оговорку: инфинитив “относится к глаголу в обширном смысле”, а его особое назначение — служить второстепенным, зависимым сказуемым [Потебня 1958: 341,342].

В концепции А.А.Потебни предикативные ранги именных членов предложения сохраняются и при аппозитивном функционировании, поэтому в гипотезе сокращенных придаточных предложений есть “доля правды”: если принять спрягаемый глагол-сказуемое “за единицу для измерения предикативности, то окажется, что одни члены простого предложения более приближаются к этой единице, другие менее”, “причастие ближе к глаголу, чем существительное и прилагательное, но эта близость не простирается до тождества с личным глаголом” [Потебня 1958: 123]. Аппозитивные члены имеют функцию, “среднюю между собственным определением и определительным придаточным предложением с глагольным сказуемым” [Потебня 1958: 110]. От определения и приложения аппозитивные члены отличаются набором семантических и структурных признаков, если выражаться языком современной лингвистики. К числу семантических признаков относятся: менее тесная по сравнению с определением-атрибутом семантическая связь с определяемым членом; наличие предикативности, доля которой никогда не простирается до уровня предикативности придаточного определительного; добавочные оттенки значения (противительный, уступительный и др.); относительная самостоятельность, “особность” в предложении. Среди структурных признаков отмечаются: особый тон в произношении; инверсия, т.е. необычный порядок слов; морфологическая представленность чаще причастием, нежели прилагательным или существительным; невозможность использования в аппозитивном употреблении местоимений; расширение конструктивных возможностей

частей речи в аппозитивной функции (распространение зависимыми словами); обязательный характер аппозитивного использования именных частей речи при отнесенности в предложении к личному местоимению [Потебня 1958: 109,110,122].

Термин “обособленные второстепенные члены” принадлежит А.М.Пешковскому (А.А.Потебня говорил об “особности” аппозитивных членов). А.М.Пешковскому принадлежит и заслуга дальнейшей разработки учения об обособлении и внедрения его в практику преподавания русского языка. Впервые было сформулировано определение обособленных второстепенных членов, значительно расширен круг относящихся сюда синтаксических явлений, установлены разновидности обособляющей интонации, общие и специальные “условия” обособления, случаи обязательного и факультативного обособления.

Сущность обособления А.М.Пешковский видит в том, что второстепенный член предложения, попадая в определенные “условия”, уподобляется интонационно и по связям своим с окружающими членами отдельному придаточному предложению. А.М.Пешковский стремится не только сблизить обособленные второстепенные члены с придаточными частями сложноподчиненного предложения, но и отграничить их от соответствующих необособленных, хотя в определении обособления отмечается только факт сближения с придаточными предложениями [Пешковский 1956: 416].

Для обнаружения различий в произношении обособленных и необособленных членов сопоставляются два предложения: *Я удивляюсь, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого* (Л.Толстой). — *Я удивляюсь, что вы с вашей супругой не чувствуете этого*. В первом случае голос повышается до первой запятой, затем переходит на низкую ноту и резко повышается к слову *вы*, затем снова переходит на низкие ноты и в третий раз повышается вплоть до *добротой*, а потом равномерно понижается до конца; отмечаются четыре сильных ударения на словах *удивляюсь, вы, добротой, чувствуете*. Во втором предложении после повышения до запятой голос равномерно понижается до конца, отмечаются только два сильных ударения — на словах *удивляюсь* и *чувствуете* [Пешковский 1956: 412,413].

Сопоставляя предложение из Л.Толстого с двумя сложными предложениями: *Я удивляюсь, что вы, который так добры, не чувствуете этого* и *Я удивляюсь, что вы, хотя вы так добры, не чувствуете этого*, А.М.Пешковский устанавливает сходство в интонировании обособленного члена и соответствующих придаточных — определительного и уступительного. Интонация является внешним

выражением указанных отношений, присущих обособленному члену: они порознь представлены в придаточных, но сосуществуют в случае с обособлением. Ср. также сопоставление с предложениями: *Я удивляюсь, что вы, такой добрый, не чувствуете этого* и *Я удивляюсь, что вы, будучи так добры, не чувствуете этого* [Пешковский 1956: 416].

Представляется некорректным мнение А.Г.Руднева о том, что в определении обособленных членов у А.М.Пешковского “нет и намек на смысловую роль обособления” [Руднев 1963: 135]. Когда А.М. Пешковский говорит о связях обособленного члена с окружающими его в предложении словами, то он все же имеет в виду не только согласование, управление и примыкание (*вы, такой добрый; вы, с вашей добротой; вы, будучи так добры*), но и смысловые связи, семантику отношений: *вы, такой добрый, не чувствуете...* Ведь определительные, а тем более уступительные отношения разве не есть результат смысловых связей между обособленным членом и подлежащим или сказуемым в предложении? Еще один пример: при анализе предложений типа *Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал* А.М.Пешковский отмечает, что обособленный причастный оборот “сознается в связи не только со своим существительным, но и со всем остальным содержанием предложения”, причем эта смысловая связь находит формальное обнаружение: сильным ударением отмечено то слово, с которым по смыслу связывается причастный оборот, т.е. сказуемое *замолчал* [Пешковский 1956: 427].

При сопоставлении обособленных членов и придаточных частей сложного предложения А.М.Пешковский обращает внимание на их сходство, а различия остаются в тени, тогда как Ф.И.Буслав указывал как на сходства, так и на различия полных и сокращенных придаточных. Обособляющая интонация отождествляется А.М.Пешковским с интонированием придаточных частей сложного предложения, поэтому при перечислении общих “условий” обособления [Пешковский 1956: 419-424], в которых выявляются различия обособленных и необособленных членов, обособляющая интонация не фигурирует, но ведь именно она как раз и является единственным формальным признаком, отличающим обособленные члены от необособленных и имеющих отношение ко всем без исключения обособленным членам, т.е. действительно “общим условием” обособления. Что касается других, якобы общих, “условий” (инверсия, распространенность обособленного члена, соседство других обособленных групп и проч.), то они не характеризуют всех обособленных членов и проявляются только как об-

щие тенденции. Не случайно в последующем изложении “специальные условия” обособления часто дублируют “общие условия”, но не распространяются на все группы обособленных членов.

Хотя А.М.Пешковский, по сравнению с Ф.И.Буслаевым и тем более А.А.Потебней, значительно расширил круг синтаксических явлений, подводимых под понятие обособленных членов, круг этот все же ограничен только второстепенными членами, да и то не всеми. Из иллюстративного материала видно, что А.М.Пешковский рассматривает определения, приложения и обстоятельства, но не дополнения. По существу, А.М.Пешковский говорит не о второстепенных членах, а о тех частях речи, которыми они выражены: обособленные прилагательные, причастия, деепричастия, наречия, существительные, в том числе “выделенные из однопадежной сочиненной группы” (так охарактеризованы приложения). Есть, правда, один пример, где фигурирует оборот с предлогом *вместо*, иногда по традиции называемый дополнением: *В коляску, вместо заминающегося Ворона, запрягли приказчика Бурого* (Л.Толстой), однако очевидно, что это “дополнение” находится где-то на далекой периферии указанной синтаксической категории и семантически здесь больше напоминает обстоятельство причины.

А.М.Пешковский, в отличие от А.А.Потебни, не использует понятия предикативности при изложении вопроса об обособлении (в других случаях он использовал термин *сказуемость*), но можно все же отметить, что и в понимании А.М.Пешковского обособленные члены имеют определенную иерархию: второстепенные члены, попавшие в “условия” обязательного обособления, ближе стоят к придаточным частям сложного предложения, а второстепенные члены в “условиях” факультативного обособления (“обособление возможно, но не обязательно”) — ближе к необособленным второстепенным членам. Предикативные ранги частей речи, намеченные А.А.Потебней, принимаются во внимание далеко не всегда: о причастиях, например, сказано, что они обособляются при совершенно одинаковых условиях с прилагательными, зато отмечена особая природа деепричастий, которые А.А.Потебня неправомерно понизил в предикативном ранге. Понятно, что деепричастия в русском литературном языке почти не используются в роли именной части составного сказуемого (ср.: *Он был выпивши*), но А.М.Пешковский верно заметил, что деепричастия, как слова глагольные, — “наиболее часто обособляемый вид слов” [Пешковский 1956: 425,433].

Детальное перечисление А.М.Пешковским специальных, частных “условий” обособления наводит на мысль о том, что, несмотря

ря на определение обособленных второстепенных членов как интонационно и семантически уподобленных придаточным частям сложного предложения, обособленные второстепенные члены представляются А.М. Пешковскому принадлежащими к инвариантам все тех же определений или обстоятельств, только оказавшихся в предложении в особых “условиях” функционирования (получается что-то вроде дополнительной дистрибуции).

Отечественная лингвистическая традиция заложила основательный фундамент в построение синтаксического здания, которое в дальнейшем едва ли может обойтись без такого краеугольного камня, как учение о членах предложения, в том числе и обособленных.

Литература

- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
Кривоносов А.Т. Естественный язык и логика. М.; Нью-Йорк, 1993.
Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.
Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. М., 1958.
Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3. М., 1968.
Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. М., 1963.
Чернышев В.И. Избранные труды. Т.1. М., 1970.

З.Д.ПОПОВА

Воронежский государственный университет

УРОВНИ ЧЛЕНЕНИЯ ТЕКСТА

В известном учебном пособии по синтаксису сложного предложения Елена Сергеевна Скобликова раскрыла свое понимание такого аспекта языковой деятельности человека как текст [Скобликова 1993: 165-191]. Елена Сергеевна рассматривает вопросы о типах текстов, о средствах связи между предложениями в тексте, о членении текста и единицах текста. Эти последние два вопроса мы и намерены обсудить в предлагаемой заметке.

Членение конкретного текста на фрагменты обдумывалось многими лингвистами; получаемым от членения блокам давались раз-